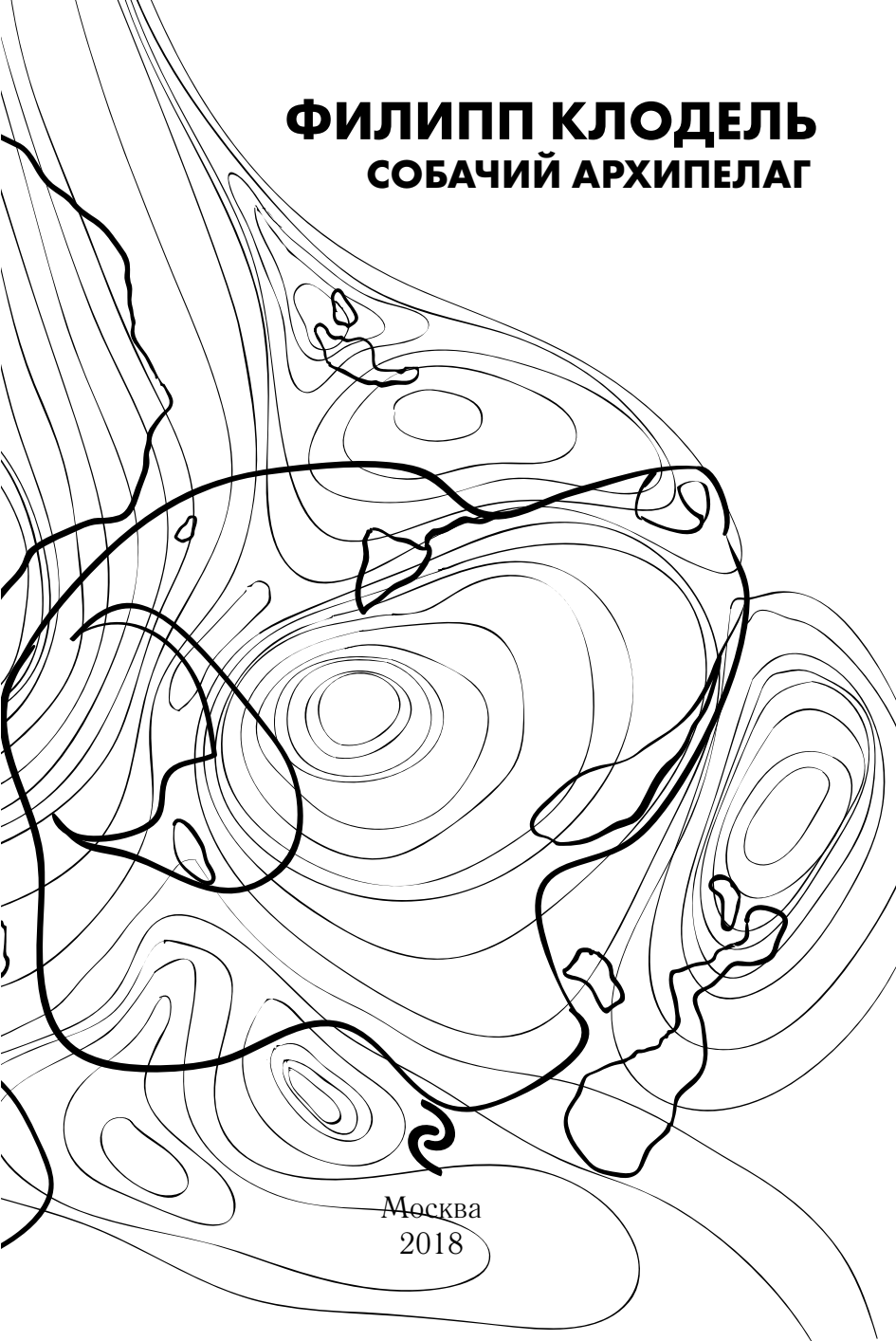

МИР ГЛАЗАМИ
**ФИЛИППА
КЛОДЕЛЯ**

ФИЛИПП КЛОДЕЛЬ

СОБАЧИЙ АРХИПЕЛАГ

Москва
2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
К50

Philippe Claudel
L'ARCHIPEL DU CHIEN

Copyright © Stock, 2018
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского *Нины Жуковой*
Художественное оформление *Марии Коняевой*

Клодель, Филипп.

К50 Собачий архипелаг / Филипп Клодель ; [пер. с фр. Н. Жуковой]. – Москва : Эксмо, 2018. – 256 с.

ISBN 978-5-04-098585-2

Эта история могла произойти где угодно, и героем ее мог быть кто угодно. Потому что жесткость, подлость и черствость не имеют географических координат, имен и национальностей.

На Собачьем архипелаге случается происшествие: на берег выбрасывает три трупа. Трое чернокожих мужчин, вероятно нелегальных мигрантов, утонули, не доплыв до вождленной земли, где рассчитывали обрести сносную жизнь. Влиятельные люди острова решают избавиться от трупов, сбросив их в кратер вулкана: в расследовании никто не заинтересован, особенно те, кто зарабатывает на несчастных нелегалах. Но, как всегда, в толпе жестоких и равнодушных находится тот, кто жаждет справедливости. И, как всегда, он обречен.

Но есть высший суд – он не позволит тем, кто повинен в смерти других, жить спокойно. Остров превращается в город, описанный «в одном русском романе»: мертвый город, превращенный в Зону. Город, в который никогда не вернется жизнь.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098585-2

Скажите, в котором часу меня должны
поднять на борт.

*Последние слова,
написанные Артюром Рембо¹*

За каждый миг без боли и страданий
Будь благодарен жизни, человек.
Но трижды – смерти, исцеляющей навек.

Джакомо Леопарди²

---

¹ Жан Никола Артюр Рембо (1854–1891) – французский поэт, один из ранних представителей символизма. По воспоминаниям Изабель, сестры поэта, накануне смерти он продиктовал ей странное письмо, где упоминался корабль, который должен был взять его на борт. *Здесь и далее примеч. пер.*

² Джакомо Леопарди (1798–1837) – итальянский романтический поэт, филолог.

I

Вы жаждете злата и сеете пепел.

Оскверняете красоту и бесчестите невинность.

После вас повсюду остаются потоки грязи. Ненависть — пища ваша, безразличие — компас ваш. Порождение дремоты, вы всегда полусонны, даже когда думаете, что бодрствуете. Вы — продукт дремлющей эпохи. Чувства ваши эфемерны, словно вылупившаяся бабочка, мгновенно сгорающая от дневного света. Вы лепите свою жизнь из сухой и никчемной глины. Одиночество сжирает вас с потрохами. На своем эгоизме вы жиреете. Поворачиваетесь спиной к ближнему и теряете душу. Короткая память — закваска вашего естества.

Как грядущие века оценят прожитое вами время?

Предлагаемая вашему вниманию история настолько реальна, что способна стать историей любого. Описываемые события могли произойти где угодно. Слишком удобно было бы думать, что они могли произойти в каком-нибудь другом месте. Имена персонажей не имеют значения. Можно было дать им другие. Например, ваши. Вы похожи на моих героев, словно отлиты с ними из одной формы.

Предвижу, что рано или поздно вы зададите мне резонный вопрос: а был ли ты сам свидетелем случившегося? Отвечу: да, был. Как, впрочем, и вы, но вы предпочли этого не заметить. Вы ничего не хотите видеть. Но я вам напомню. Да, уж таков я, возмутитель спокойствия. От моего взгляда не укрыться. Я вижу все, знаю все. Но имя мне — ничто, и я хочу остаться бестелесным. Не мужчиной и не женщиной. Я — голос. Просто голос. Поведав эту историю, я предпочту не выходить из тени.

События, о которых я собираюсь рассказать, произошли вчера. Или несколько дней назад. Может, год или два назад. Не раньше. Я говорю «вчера», а стоило бы сказать «сегодня». Вчерашний день людям не интересен. Они живут настоящим и строят планы на будущее.

История эта произошла на одном острове. Остров как остров, ничем не примечательный:

ни размерами, ни природными красотами. Находится он не так уж далеко от родной страны, совершенно о нем забывшей, и довольно близко к другому матерiku, чьи жители и не подозревают о его существовании.

Остров этот — часть *Собачьего архипелага*.

Если посмотреть на карту, никакой *Собаки* сразу не увидишь. Она умело прячется. Ребяшки в школе пытались разглядеть, но у них ничего не получалось. Учительница, в незапамятные времена прозванная Старухой, сначала забавлялась их стараниями, а затем изумлением, когда концом указки провела по карте, обрисовав морду. И Собака возникла из небытия. Дети испугались. Она напоминала существа, истинная природа которых до поры остается неизвестной, однако стоит приблизить их к себе, как в один прекрасный момент они вцепятся тебе в глотку.

Вот она, Собака, нарисованная на тонкой бумаге. Раскрытая пасть, ощеренные клыки. Еще секунда, и она вопьется ими в длинную бледно-голубую полосу, испещренную цифрами, обозначающими глубины, и стрелками, показывающими течения. Челюсти — два продолговатой формы острова, язык — еще один остров. Зубы — тоже острова: одни заостренные, другие массивные, квадратные, и есть узкие и вытяну-

тые, как кинжалы. Место, где произошла эта история, — единственный обитаемый остров архипелага, находящийся в самом конце нижней челюсти. На границе безбрежной сини — добычи, которая еще не знает, что на нее нацелились.

Жизнью остров обязан возвышающемуся над ним вулкану, который тысячелетиями извергал лаву и плодородные шлаки. Имя ему *Бро*. Звучит по-варварски. В былые времена детям он внушал страх, когда остров еще оглашали их крики и смех. Уже много лет после последнего «дня гнева» вулкан дремлет. Кратер его покоится в подушке тумана. Послеобеденный сон Бро длится очень долго. Иногда вулкан отрыгивает камень-другой, временами из его недр вырывается глухой шум. По его телу пробегают судороги: он словно путник, вздрагивает и ворочается во сне с боку на бок.

Тело Собаки едва намечено скоплениями островков, подобных крошкам, оставленным на обеденном столе после семейной трапезы. Все они необитаемы. Остров, о котором идет речь, напротив, отмечен пульсацией живой крови. Он словно край Земли перед лицом лазурной бесконечности. Когда-то в глубокой древности, вероятно, еще во времена финикийцев, здесь возникло поселение рыбаков — потомков пира-

тов и морских грабителей¹, попавших на остров либо в результате кораблекрушения, либо нашедших там укромный уголок для подсчета добычи.

На острове веками выращивали виноград, оливы, каперсы. Каждый обработанный арпан² земли свидетельствовал об упорстве предков, с которым они терпеливо отбирали его у вулкана. Здесь, если ты не занимался земледелием, то был рыбаком. Другой судьбы быть не могло. Молодежь часто не хотела ни того, ни другого. И уезжала. За отъездом никогда не следовало возвращения. Так было всегда.

На Собачьем архипелаге и погода была собачьей. Лето иссушало и людей, и землю. Зима все сковывала стужей. Била пронизывающими ветрами и ледяным дождем. Месяцами тянулось вынужденное безделье дрожавших от холода островитян. Дома их обошли весь свет в виде фотографий в глянцевых журналах. Архитекторы, этнологи, историки пришли к выводу, не

---

¹ Морские грабители, или береговые пираты, — жители побережья, которые присваивали себе обломки и грузы судов, потерпевших кораблекрушение; нередко они выставляли так называемые ложные маяки и провоцировали кораблекрушения.

² Древнефранцузская единица измерения, около 3424,6 м².

спросив мнения их хозяев, что эти жилища — «всемирное наследие». Сначала это вызвало смех у местных, а потом стало их раздражать: они не могли ни разрушить, ни перестроить своих домов.

Завидовали этим постройкам те, кто никогда в них не жил. Глупцы. Из плохо пригнанного лавового камня, они казались грубыми, бесформенными жилищами хоббитов. Недружественные дома. Неудобные. Темные и шишковатые. В них либо задыхаешься, либо мерзнешь. Дома, которые берут в оборот и подавляют, со временем превращая людей в свое подобие.

Вино на острове было красным, тяжелым¹ и сладким. Изготавливалось оно из уникального сорта «мюрула», росшего только здесь. Виноградина походили на сорочки глаза — маленькие, черные, блестящие, лишенные матового налета. Собранный к середине сентября урожай раскладывали на невысоких оградках, защищавших от ветра виноградники и плантации каперсов, прикрывая его тонкой сеткой от птиц. Ягоды сушились две недели, затем из них выжимали сок, и дальше процесс превращения сока в вино, или ферментация, происходил в прохладе узких и

---

¹Тяжелое вино — дегустационная оценка плотного вина с высоким содержанием спирта.

длинных пещер-погребов, вырытых на склонах Бро.

Разлитое по бутылкам, оно обретало цвет бычьей крови и не пропускало света. Дитя сумерек и чрева земли, оно было вином богов. Когда ты его пил, в рот и горло проникали солнце и мед, но вместе с тем и соки бездонных глубин ада. Старики говаривали, что пить его все равно что сосать грудь Афродиты и Гадеса¹ одновременно.

II

Все началось на пляже в один сентябрьский понедельник. Неизвестно, почему эту часть берега назвали пляжем: там никто никогда не купался из-за острых обломков скал и сильного течения, да и позагорать толком было нельзя, так как его покрывали вулканическая шершавая галька и камни.

По пляжу ежедневно в любую непогоду прогуливалась Старуха, бывшая учительница. Все жители острова перебивали у нее в учениках. И ей была хорошо знакома каждая семья. Она здесь родилась и умрет здесь. Никто ни разу не

---

¹ Г а д е с (Аид) — в греческой мифологии бог подземного царства мертвых.

видел ее улыбающейся. Никто не знал, сколько ей лет. Должно быть, около восьмидесяти. Пять лет назад, к огромному ее сожалению, Старухе пришлось оставить школу. В это время, в первые светлые часы дня, она как раз совершала прогулку вместе со своей собакой — беспородной псиной с грустными глазами, любимым занятием которой было гоняться за чайками.

По пляжу Старуха всегда прохаживалась одна. Ни за что на свете она не отказалась бы от этой прогулки по краю моря в месте, словно вырванном из пейзажа северной страны, Скандинавии или Исландии, и брошенном на этот остров, чтобы наполнить души людей вечной тоской.

В тот день собака, по своему обыкновению, вертелась возле хозяйки, подскакивая за большими презиравшими ее птицами. Дело шло к дождю. Он пока лишь накрапывал, мелкий и холодный, а на море уже появлялись не предвещавшие ничего хорошего волны: небольшие, но упорные, обрушивающиеся на берег грязной пеной.

Вдруг собака замерла, потом залаяла и бросилась в сторону, пробежав метров пятьдесят краем пляжа в направлении трех больших продолговатых предметов, которых море выбросило на берег, но, словно не решаясь с ними расстаться окончательно, продолжало покачивать, набе-

гая волнами. Собака обнюхала их и повернулась к Старухе, издав протяжный жалобный вой.

В ту же минуту еще два человека заметили эти предметы. Местный холостяк по имени Америка — отчасти виноградарь, отчасти разнорабочий, время от времени приходивший на пляж посмотреть, что принесло течением: бидоны, упавшие за борт, оторванные доски, сети, обрывки снастей, плавучие бревна. Увидев их издалека, он слез с повозки, похлопал по боку ишака, велел ему не двигаться и оставаться на тропе. Вторым был Спадон¹, прозванный так за то, что, не отличаясь большой ловкостью в обычной жизни, он был на острове одним из лучших охотников на рыбу-меч, знавший досконально ее повадки, места обитания, характер и жизненные циклы, перемещения и уловки.

В тот день рыбаки в море не вышли: уж больно отвратительная выдалась погода. Спадон работал на Мэра — не только главу местной управы, но и самого крупного из здешних капитанов-промысловиков. Он владел тремя моторными лодками да еще холодильными складами, где мог хранить улов — как свой, так и тех рыболовов-предпринимателей, кому такие камеры были не по карману. Двумя днями раньше, когда

---

¹ Спадон (эспадон) — тип двуручного меча.